

·thebigbook·

ЖАКЛИН
СЬЮЗАНН

Долина Кукол

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 96

Jacqueline Susann
VALLEY OF THE DOLLS
Copyright © Jacqueline Susann, 1966
This edition published by arrangement with Grove /Atlantic, Inc.
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Дмитрия Прияткина

Оформление обложки Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-14759-1

© Д. Прияткин, перевод, 2018
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Жозефине,
которая сидела у моих ног
и вдохновляла меня
писать продолжение романа¹*

¹ Но в первую очередь Ирвингу.

ДОЛИНА КУКОЛ

Энн

Сентябрь, 1945 год

Когда она приехала в Нью-Йорк, температура там подскочила до тридцати трех градусов. Город буквально дымился, он напоминал рассерженного железобетонного зверя, застигнутого врасплох страшной, не по сезону, жарой. Но на нее не подействовали ни жара, ни замусоренный перекресток под названием Таймс-сквер. Энн всегда считала Нью-Йорк самым замечательным городом мира, и увиденное не испугало ее.

Девушка в бюро по найму улыбнулась и сказала:

— Ну, твое-то дело верное, даже если у тебя вообще нет опыта секретарской работы. Все хорошие секретарши сейчас поразбрелись в конторы, связанные с обороной, там их работа прекрасно оплачивается. Но честно говоря, лапочка, с такой мордашкой, как у тебя, я бы направилась напрямик к Джону Пауэрсу или Коноверу!

— А кто они такие? — спросила Энн.

— Им принадлежат самые престижные бюро манекенщиц в этом городе. Это то, чем бы я хотела заниматься, да рост у меня слишком маленький, и вдобавок я недостаточно тощая. Но ты именно то, что им требуется.

— Мне кажется, лучше пойти на какую-нибудь секретарскую работу.

— Ладненько, но я считаю, что ты ненормальная. — Она сунула Энн несколько листков бумаги. — Вот это все места перспективные, но сначала сходи к Генри Беллами, есть тут один крупный юрист-администратор в области театра и шоу-бизнеса, а его секретарша только что выскочила замуж за Джона Уолша. — И, видя, что на Энн это не произвело должного впе-

чатления, прибавила: — Только не говори, пожалуйста, что ты впервые слышишь его имя! Он получил трех «Оскаров», и сейчас я только что прочитала в газете: он собирается уговорить Грету Гарбо отказаться от многолетнего затворничества и будет снимать ее в своем новом фильме.

Улыбка Энн убедила ее, что та теперь всегда будет помнить имя Джона Уолша, и она продолжала болтать:

— Теперь, надеюсь, ты представляешь себе, с какими людьми тебе придется встречаться и в каких кругах вращаться. Фирма «Беллами и Беллоуз» — классная контора, а их клиенты — всякие знаменитости. Между прочим, Мирна, ну та девица, что вышла замуж за Уолша, во всем, что касается внешности, тебе и в подметки не годится. Так что ты, я уверена, моментально выудишь золотую рыбку!

— Золотую что?

— Ну, дружка, а может, даже и муженька.

Она взглянула на заполненное Энн заявление о найме на работу.

— Послушай, откуда это ты свалилась? Надеюсь, твой городишко находится здесь, в Америке?

— Он называется Лоренсвилль, — улыбнулась Энн, — и расположен у самого Мыса¹, от Бостона час езды на электричке. И если бы я искала мужа, я могла бы никуда не уезжать. В Лоренсвиле все выходят замуж, едва закончив школу, а я хочу сначала немного поработать.

— И ты оттуда уехала? Да здесь все ищут себе мужей, и я совсем не исключение. Может, отправишь меня с рекомендательным письмом в этот твой Лоренсвилль? Я не против.

— Вы что, хотите сказать, что вышли бы замуж за первого встречного? — удивилась Энн.

— Ну не совсем за первого. Только за того, кто подарил бы мне хорошенькую бобровую шубку, нанял бы приходящую горничную и позволил бы каждый день дрыхнуть до полудня. Парни же, с которыми я здесь общаюсь, хотят, чтобы я не бросала работу, все время готовила им разные вкусности и выглядела бы при этом как Кэрол Лэндис в неглиже.

¹ Имеется в виду мыс Кейп-Код.

Когда Энн расхохоталась, она сказала:

— Ну ладно, увидишь сама, как только свяжешься с одним из здешних Ромео. Могу поспорить, что первым же скорым поездом помчишься обратно в свой Лоренсвилль, но не забудь, пожалуйста, по пути на вокзал заскочить ко мне и забрать меня с собой.

Нет, никогда она не вернется обратно в Лоренсвилль! Она не просто из него уехала, она из него сбежала. Сбежала, спасаясь от брака с каким-нибудь добропорядочным лоренсвилльским парнем, спасаясь от той размеренной и монотонной жизни, которой жил этот городок. Жизни, которую прожила ее мать, а до нее — ее бабушка. В таком же отлаженном, как механизм, доме, где в Новой Англии протекала из поколения в поколение жизнь каждой почтенной семьи. Обитатели таких домов задыхались от кипевших в них, но невостребованных чувств, выхода которым не давала скрипучая стальная броня «светского воспитания».

Ей припомнились слова матери: «Настоящая леди, Энн, никогда так громко не смеется. Настоящая леди, Энн, никогда не плачет в присутствии посторонних». — «Но, мама, я же плачу у нас на кухне, где никого, кроме тебя, больше нет». — «Но настоящая леди плачет, только когда остается одна, а ведь ты уже не ребенок, Энн, тебе уже исполнилось двенадцать лет, и ты забыла, что с нами на кухне находится твоя тетя Эми. Отправляйся плакать к себе в комнату».

Именно Лоренсвилль заставил ее поступить в колледж Рэдклифф. О да, там многие девушки и смеялись, и плакали, и сплетничали, и вообще переживали все радости и горести настоящей жизни, но они не допускали ее в свой мир. Как будто у нее на лбу было выжжено: «Руками не трогать. Образец новоанглийской надменности и чопорности». Она все больше и больше погружалась в чтение, но и в книгах было одно и то же: получалось так, что все писатели, чьи книги ей попадались, уезжали навсегда из тех городов, где они родились. Так, Хемингуэй жил то в Европе, то на Кубе, то в Бимини. Бедный, вечно озабоченный, талантливый Фитцджеральд также почти всю жизнь

провел за границей. Даже рыжеволосый и неуклюжий Синклер Льюис только в Европе нашел романтику и приключения.

Энн чувствовала, что должна обязательно уехать из Лоренсвилля. Другого пути у нее не было. Она приняла решение, еще когда училась на последнем курсе, и во время пасхальных каникул сообщила об этом матери.

— Мама... и вы, тетюшка Эми, я после окончания колледжа еду в Нью-Йорк.

— Но в этом ужасном городе как следует не отдохнешь.

— Я собираюсь там поселиться.

— Ты обсудила этот вопрос с Уилли Гендерсоном?

— Нет, а с какой стати?

— Но ведь вы встречаетесь с тех пор, как вам обоим исполнилось по шестнадцать, и все, естественно, предполагали...

— Дело именно в этом. У нас в Лоренсвиле все само собой «естественно предполагается»...

— Ты повышаешь голос, Энн, — невозмутимо заметила ее мать. — Уилли Гендерсон — прекрасный молодой человек. С его родителями я училась в одной школе.

— Но, мама, я его не люблю.

— Мужчину любить невозможно, — вставила тетюшка Эми.

— А разве ты, мама, не любила папочку? — Энн уже не спрашивала, она почти обвиняла мать.

— Конечно же, я его любила. — В голосе матери звучало негодование. — Но тетя Эми хочет сказать, что мужчины — они... в общем, они не такие, как женщины, они — другие. Они думают и поступают иначе. Возьмем, к примеру, твоего отца. Понять его было весьма сложно. Человек он был непредсказуемый да к тому же любил выпить. Если бы он женился на ком-нибудь другом, боюсь, он бы плохо кончил.

— Но я никогда не видела, чтобы папа пил, — попыталась защитить отца Энн.

— Разумеется. В то время был сухой закон, и в доме я не держала ни капли спиртного. Я отучила его от этой привычки раньше, чем она им окончательно завладела. Но поначалу с ним трудно было справиться — он был такой необузданный, хотя это легко понять, его бабка была француженкой.

— Эти латиняне всегда немного шальные, — подтвердила тетушка Эми.

— Ничего подобного в отце не было, — возмутилась Энн, вдруг пожалев, что мало знала о нем. Все, казалось, случилось так давно. Тогда ей было всего двенадцать лет. Он сидел именно здесь, в этой кухне, когда его неожиданно качнуло вперед, потом тело его бесшумно сползло на пол и он тихо умер, раньше чем успел приехать врач.

— Ты права, Энн. В твоём отце не было ничего плохого, он просто был мужчиной, правда человек он был хороший. И помни, Энн, что его мать была из рода Банистеров. Элли Банистер училась в одной школе еще с твоей бабушкой.

— Но, мама, неужели ты по-настоящему никогда не любила папу? Я хочу сказать, что, если мужчина, которого ты любишь, берет тебя в свои объятия и целует, это должно быть восхитительно, ведь так? Разве у тебя с папой такого не было?

— Энн, как ты смеешь задавать матери подобные вопросы! — поразилась тетушка Эми.

— К сожалению, поцелуи — это не единственное, что мужчина рассчитывает получить, вступая в брак, — сухо заметила ее мать и осторожно спросила: — Ты когда-нибудь целовалась с Уилли Гендерсоном?

— Да, несколько раз, — поморщилась Энн.

— И тебе это понравилось? — продолжала расспрашивать мать.

— Мне было противно.

Губы Уилли показались Энн какими-то рыхлыми и скользкими, а изо рта у него пахло кислятиной.

— А с другими мальчиками ты целовалась?

Энн пожала плечами:

— Ну да, несколько лет назад, когда мы с Уилли начали встречаться. На вечеринках мы играли в «бутылочку», и, по моему, я перецеловалась почти со всеми городскими парнями, но, насколько мне помнится, каждый последующий поцелуй был таким же омерзительным, как и первый. — Энн улыбнулась. — Знаешь, мама, мне кажется, что у нас в Лоренсвиле нет ни одного парня, который бы умел по-настоящему целоваться.

К ее матери вернулось хорошее настроение.

— Теперь я вижу, что ты — настоящая леди, Энн. Именно поэтому тебе не нравится целоваться. Настоящей леди такое не может понравиться.

— Ах, мама! Я сама не знаю, что мне нравится и что я сама такое есть. Вот почему я и хочу пожить в Нью-Йорке.

— У тебя, Энн, имеется пять тысяч долларов, — пожалала плечами мать. — Твой отец оставил их специально для тебя, чтобы ты распорядилась ими по своему усмотрению. После моей смерти денег у тебя будет гораздо больше. Хотя мы и не так богаты, как Гендерсоны, наша семья хорошо обеспечена и кое-что значит в Лоренсвиле. Я хочу быть уверенной в том, что ты вернешься сюда и поселишься навсегда в этом доме, ведь здесь родилась и моя мать. Конечно, Уилли Гендерсон, может быть, захочет пристроить к нему еще одно крыло, места вполне хватает, но все-таки этот дом так и останется нашим.

— Но, повторяю, мама, я не люблю Уилли Гендерсона!

— В том смысле, в каком ты ее понимаешь, любви просто не существует. Такая любовь встречается только в пошлых фильмах и романах. Любовь, как я ее понимаю, — это желание быть вместе, общие интересы и общие друзья. Секс для тебя неотделим от понятия «любовь», но позвольте мне сказать вам, юная мисс, что если она и существует, то после замужества очень быстро умирает, то есть когда девушка по-настоящему узнает эту самую «любовь». Но я тебе мешать не буду, поезжай в свой Нью-Йорк. И запомни, пожалуйста, Энн, мои слова: через несколько недель ты примчишься обратно домой, ты будешь просто счастлива выбраться из этого грязного Нью-Йорка.

В день ее приезда Нью-Йорк действительно был грязен, раскален от жары и чересчур многолюден. По Бродвею, слегка покачиваясь, бродили солдаты и моряки. В восторженных взглядах, которые они бросали на нее, горел огонек праздничного азарта и лихорадочного волнения, зажженный победой в недавно закончившейся войне. Но в этом смешении грязи, сырости и чужеродности Энн ощущала волнение и кипение жизни. По сравнению с покрытыми мусором и выбоинами мос-

товыми Нью-Йорка деревья и даже сам воздух Новой Англии казались холодными и неживыми. И улыбка небритого человека, убравшего из окна объявление «Сдается комната», когда она заплатила ему за неделю вперед, удивительно походившего на мистера Кингстона из ее родного городка, была намного теплее.

— Комнатка, сказать по правде, маловата, — признался он, — но потолок высокий, а от этого дышится полегче. Да и я всегда нахожусь поблизости, если вам понадобится что-то починить.

Энн поняла, что понравилась ему, как и он ей. В Нью-Йорке вас принимали такими, какими вы казались, как будто все вокруг только в это мгновение появились на свет, а прошлого, которым бы стоило гордиться или которое следовало бы скрывать, для них уже не существовало.

И теперь, стоя перед солидного вида стеклянными дверями с выгравированной на них надписью «Беллами и Беллоуз», Энн надеялась, что она встретит столь же теплый прием у мистера Генри Беллами.

Генри Беллами не верил своим глазам: неужели эта девушка живая? В своем роде она, пожалуй, была одной из самых красивых девушек, которых он когда-либо встречал, но его этим не удивишь — он их достаточно повидал. Вместо новомодной высоченной взбитой прически и туфель на платформе эта девушка свободно и естественно распустила волосы, и их светлорусый оттенок не оставлял никаких сомнений, что волосы у нее некрашеные. Но особенно его поразили ее глаза, необычайно синие, как небо, но какие-то холодные.

— Почему вы, мисс Уэллс, хотите работать именно у нас?

Он вдруг почувствовал, что без всяких на то оснований начал волноваться, ну да, черт побери, его просто распирает от любопытства. Девушка была одета в строгий однотонный летний костюм, других украшений, кроме маленьких аккуратных часиков на запястье, на ней не было, но что-то подсказывало ему, что особой нужды в работе она не испытывает.

— Я хочу жить в Нью-Йорке, мистер Беллами.

Никаких тебе предисловий, совершенно прямой ответ, но почему-то он заставил его ощутить неловкость, как будто он

проявил праздное и нахальное любопытство. Он имеет право задавать вопросы, и, если он слишком упростит всю процедуру приема, она может не согласиться работать у него. С чего это ему в голову взбрела какая-то чушь? Она сидит перед ним, у него в кабинете, не зашла же она на минутку попить с ним чайку. Но почему он опять чувствует себя не хозяином, а просителем, пытающимся произвести на нее благоприятное впечатление?

Генри Беллами взглянул на сопроводительный бланк, присланный бюро по найму.

— Значит, вам двадцать лет, вы закончили колледж Рэдклифф по специальности «английский язык». И не имеете никакого опыта конторской работы. А теперь попробуйте объяснить, каким образом ваше прекрасное образование и происхождение могут пригодиться мне в моей работе. Помогут ли они мне каждый раз справляться с какой-нибудь ведьмой вроде Хелен Лоусон или заставить вечно пьяного дармоеда Боба Вульфа еженедельно сдавать положенный по контракту сценарий для радиопрограммы. Или же убедить знаменитого певца-педика отказаться от услуг фирмы «Джонсон Харрис» и перейти ко мне...

— И я всем этим должна заниматься? — озадаченно спросила Энн.

— Нет-нет, это моя задача, но вам придется мне помогать.

— А я думала, что вы юрист.

Генри, заметив, что она уже берет перчатки, улыбнулся и поспешил успокоить ее:

— Я юридический консультант и администратор по вопросам театра и шоу-бизнеса, а это совершенно иная область юриспруденции. Моя обязанность — составление контрактов для наших клиентов, таких контрактов, в которых даже возможные лазейки были бы им только на пользу. Я также занимаюсь подсчетом и уплатой налогов, помогаю им выгодно вкладывать свои деньги, вытаскиваю их из всяческих неприятностей, разбираюсь в их семейных дразгах, стараюсь удерживать их жен и любовниц подальше друг от друга, являюсь крестным отцом их детей и нянькой для них самих. Особенно в то время, когда они готовят новую программу.

— А я всегда считала, что актеры и писатели имеют своих импресарио и антрепренеров.

— Все это так. — Он отметил про себя, что она положила перчатки обратно на колени. — Но настоящие знаменитости, а других клиентов я не держу, нуждаются и в моих советах. Например, их импресарио давит на них, заставляя браться за работу, которая дает как можно больше денег, его интересуют прежде всего его десять процентов комиссионных. Но я определяю, какая работа принесет им лично как можно больше пользы. Короче говоря, такой администратор-консультант, как я, должен быть для своего клиента и Господом Богом, и родимой мамочкой, и импресарио в одном лице. А если вы согласитесь у нас работать, вам придется стать их ангелом-хранителем.

Энн улыбнулась:

— Но тогда почему такие администраторы не заменят всех импресарио?

— Так бы, наверное, и произошло, если бы на свете было побольше мишуг вроде меня. — Он мгновенно спохватился: — Извините за это словечко, но, когда я завожусь, я уже не соображаю, что болтаю.

— Какое словечко? «Мишуга»? — повторила она с любопытством. Услышать, как она его повторяет, показалось ему таким невероятным, что он громко расхохотался.

— Слово это еврейское, и настоящее его значение заставило бы вас покраснеть, но сейчас оно стало означать просто «придурок»... и, надеюсь, вас не обманут ни моя шикарная вывеска «Беллами», ни мой вид respectable английского англичанина. Моя настоящая фамилия Бирнбаум. В юности я работал администратором развлекательных программ на круизах, вел корабельную газету, но им не понравилось, что их шикарная газетка будет называться «У штурвала Бирнбаум», и тогда какой-то мужик предложил мне взять мою нынешнюю фамилию. На этих круизах я перезнакомился со множеством важных шишек, и моим первым клиентом стал певец, выступавший в одной из этих корабельных программ. Все знакомились со мной как с Беллами, ну я и решил им оставаться. — Он улыбнулся. — Вот теперь вы

имеете обо мне и моей конторе полное представление. Сумеете справиться, как вы думаете?

На этот раз она улыбнулась широко и открыто:

— Хочу попробовать. Печатаю я неплохо, но в стенографии мало что понимаю.

— Не беспокойтесь, — махнул он рукой в сторону приемной, — там у меня сидят две девицы, которые могли бы стать победительницами конкурса по стенографии. А мне нужна не просто секретарша.

— Кажется, я вас не совсем понимаю. — Улыбка ее растаяла.

Черт побери, ведь он ничего такого не имел в виду. Генри раздавил сигарету в пепельнице и тут же закурил другую. Боже мой! Она сидела теперь очень прямо, с неприступным видом, и, сам того не замечая, Генри в своем кресле также весь вытянулся, как по струнке.

— Послушайте, мисс Уэллс, быть не просто секретаршей означает не придерживаться слишком строгого графика пребывания на работе с девяти до пяти часов. Могут быть дни, когда вы сможете приходить не раньше полудня. Если я задержал вас накануне допоздна, я, естественно, не буду требовать от вас быть на работе к девяти утра. Но, с другой стороны, если произойдет что-нибудь непредвиденное, то, даже если вам пришлось накануне работать до четырех утра, вы должны быть на месте еще до открытия, но я уверен, что вы сами того пожелаете. Другими словами, вы сами составляете себе график работы. Но вам также придется иногда быть готовой поработать и вечером.

Он на секунду замолчал, но, не услышав ничего в ответ, продолжал:

— Скажем, я ужинаю в ресторане «Двадцать один» с человеком, который в будущем может стать нашим клиентом. Если ужин будет хорош, а мои доводы убедительны, почти наверняка можно сказать, что он перейдет ко мне. Но так же вероятно, что мне придется выпить с ним несколько рюмок и выслушивать неизбежные жалобы на его нынешнего администратора. Естественно, я буду клясться ему, что со мной он ничего подобного не испытает, и наобещаю ему золотые горы, хоть луну, переименованную в его честь. Конечно же, я не смогу выполнить

все то, что ему наболтал. Это никому не по силам. Но я действительно честно хочу постараться избежать ошибок, совершенных его теперешним импресарио, и выполнить выполнимые обещания. Но только ведь на следующее утро я уже все позабуду, все до словечка, и вот тут-то являетесь вы. У вас не будет болеть с похмелья голова, поскольку за весь предыдущий вечер вы выпили только бокал хереса, и вы помните до малейших подробностей все, что я наговорил. Утром вы передаете мне перечень данных мною обещаний, чтобы я мог, протрезвев, внимательно их изучить.

— Итак, мне отводится роль живого диктофона? — снова улыбнулась Энн.

— Совершенно верно. Как, справитесь?

— Ну что же, память у меня отличная, а херес я просто не выношу.

Теперь они оба рассмеялись.

— Ладно, Энн. Начинаете завтра?

Она утвердительно кивнула.

— А мистер Беллоуз? Должна я также выполнять работу и для него?

Генри Беллами, устремив взгляд куда-то в пространство, тихо ответил:

— Мистера Беллоуза не существует. Ах нет! Есть Джордж, его племянник, но он не тот Беллоуз, который значится в названии нашей конторы. Им был дядя Джорджа, Джим Беллоуз, но еще до его ухода на фронт я выкупил у него его долю в нашем деле. Я пытался отговорить его, но не смог, он отправился в Вашингтон, а там ему вскружили голову военно-морская форма и звание офицера. Война — это для молоденьких, — вздохнул он, — а Джиму Беллоузу было пятьдесят три. Он был слишком стар, чтобы воевать, но слишком молод, чтобы погибнуть.

— Он погиб в Европе или на Тихом океане?

— Этот старый идиот умер на подлодке от сердечного приступа.

Резкость его слов лишь выдавала ту привязанность, которую он явно испытывал по отношению к покойному. Затем его

настроение вдруг резко переменялось, и Генри снова тепло и приветливо улыбнулся:

— Ладно, Энн! По-моему, мы уже достаточно порассказали о себе друг другу. Я хочу предложить вам для начала семьдесят пять долларов в неделю — вам это подходит?

На столько она и не рассчитывала. За комнату надо было платить восемнадцать долларов, а за еду — пятнадцать. Она ответила Генри, что этой суммы ей вполне достаточно.

Октябрь, 1945 год

Сентябрь оказался для нее удачным месяцем. Она нашла именно ту работу, какую искала, подружку по имени Нили и нежного, преданного и почтительного кавалера — Аллена Купера.

А в октябре в ее жизнь вошел Лайон Берк.

В конторе и телеграфистка, и обе секретарши сразу же признали ее за свою. Каждый день они все вместе обедали в ближайшей закусочной на углу улицы, и любимой темой их разговоров был Лайон Берк. По всем вопросам, касавшимся Лайона Берка, специалистом была мисс Стайнберг, старшая секретарша, поскольку она служила у Генри Беллами уже десять лет и действительно была знакома с Лайоном Берком.

Когда объявили войну, Лайон работал в конторе уже два года, и на следующий же день после нападения японцев на Перл-Харбор он ушел в армию. Раньше Джим Беллоуз предлагал в компаньоны своего племянника, но Генри, не имевший, по сути, никаких претензий к Джорджу, все же постоянно отказывался, утверждая, что бизнес и родственники плохо сочетаются. Но когда и Лайон ушел на фронт, Генри ничего уже другого не оставалось, как взять Джорджа к себе в помощники.

С Джорджем все было нормально. Юрист он был способный, но ему не хватало, по крайней мере по мнению мисс Стайнберг, того магнетизма, которым обладал Лайон Берк. Все служащие с огромным волнением следили за военными успехами Лайона, а когда он получил капитанские нашивки, Генри даже устроил себе на полдня праздничный выходной. Последнее письмо пришло от Лайона в августе, из Лондона. Он был жив и здоров, посылал всем привет, но не сообщал, собирается ли вернуться.

Первое время Генри с нетерпением поджидал почту, но, когда пролетел сентябрь, а от Лайона не пришло ни строчки, ему пришлось примириться с мыслью, что Лайон покинул их контору навсегда. Но мисс Стайнберг не падала духом и оказалась права. Телеграмма от него пришла в октябре. Лайон сообщал только необходимое:

ДОРОГОЙ ГЕНРИ ИТАК ВСЕ ЗАКОНЧИЛОСЬ
И Я ПО ПРЕЖНЕМУ ЦЕЛЕХОНЕК БЫЛ У РОДСТВЕННИКОВ
В ЛОНДОНЕ А ПОТОМ ЗАЕЗЖАЛ В БРАЙТОН ОТДОХНУТЬ
И ПОБЫТЬ НА МОРЕ СЕЙЧАС НАХОЖУСЬ В ВАШИНГТОНЕ,
ДОЖИДАЯСЬ ОФИЦИАЛЬНОЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ ВЕРНУСЬ
КАК ТОЛЬКО МНЕ РАЗРЕШАТ СМЕНИТЬ ФОРМУ НА МОЙ
СТАРЕНЬКИЙ СИНИЙ КОСТЮМ УДАЧИ ЛАЙОН

Лицо Генри Беллами просто сияло, когда он читал телеграмму. Вскочив со стула, он закричал:

— Лайон возвращается! Черт меня побери, я в этом не сомневался!

Последовавшие за этим десять дней в конторе все отделялось заново, а взволнованные служащие обменивались предположениями и сплетнями о предстоящем прибытии Лайона Берка.

— Мне просто не терпится его увидеть, — вздыхала телефонистка, — кажется, он как раз в моем вкусе!

Улыбка мисс Стайнберг недвусмысленно давала понять, что уж ей-то все хорошо известно.

— Золотко, он кому угодно придется по вкусу. Если тебя не сразит наповал его внешность, то это сделает его британский акцент.

— А разве он англичанин? — удивилась Энн.

— Родился-то он здесь, — начала объяснять им мисс Стайнберг. — Его матерью была Нелли Лайон. Но это было очень давно, вас, да и меня, тогда еще и на свете не было. Она была настоящей знаменитостью, звездой британского варьете. Приехав сюда на гастроли, она вышла замуж за американца — юриста Тома Берка, потом она ушла со сцены и родила Лайона, так что он автоматически стал американским гражданином. Но она сохранила британское гражданство и после смерти мужа —

Лайону тогда было лет пять — забрала сына в Лондон. Там она снова стала выступать на сцене, а Лайон начал учиться. Когда же и мать умерла, он вернулся в Штаты и поступил на юридический факультет.

— Я наверняка влюблюсь в него по уши, — вставила молоденькая секретарша.

— Все девушки, которые у нас служили, — пожалала плечами мисс Стайнберг, — рано или поздно влюблялись в него. Но мне не терпится, Энн, посмотреть, какова будет его реакция, когда он познакомится с тобой.

— Со мной? — Энн вздрогнула.

— Вот именно. В вас обоих есть нечто общее. Какая-то неприступность, даже надменность. Только Лайон сразу ослепляет вас своей улыбкой, и это поначалу сбивает с толку. Начинаешь думать, что он такой открытый. Но это только кажется, к себе до конца он никого не подпускает. Никому еще это не удавалось. Даже мистеру Беллами. В глубине души он немного его побаивается, и вовсе не из-за его внешности и манеры держаться. Просто Лайону все сразу удается. Попомните мое слово, он в конце концов станет хозяином в этом городишке. Я наблюдала, как наш мистер Б. проворачивал свои блестящие операции, но ему это давалось ой какой кровью: ведь всем известно, как он ловок, и все уже наготове. А стоит появиться Лайону с его британским шармом и внешностью киногероя — и, нате вам пожалуйста, он как на блюдечке заполучает все, что его душевненьке угодно. Но со временем начинаешь соображать, что ведь никто не знает его по-настоящему, и вскоре складывается такое впечатление, что ему просто на все и на всех наплевать. Кроме его работы, конечно, вот ради нее он пойдет на все. Но что бы вы о нем ни думали, вы все равно будете его обожать!

Вторая телеграмма пришла в пятницу утром десять дней спустя:

ДОРОГОЙ ГЕНРИ ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ ГОТОВЬ МОЙ СИНИЙ
КОСТЮМ ПРИЕЗЖАЮ В НЬЮ-ЙОРК ПРЯМО К ТЕБЕ
НА КВАРТИРУ НЕ МОЖЕШЬ ЛИ СНЯТЬ МНЕ НОМЕР
В ГОСТИНИЦЕ СОБИРАЮСЬ НАЧАТЬ РАБОТАТЬ
С ПОНЕДЕЛЬНИКА УДАЧИ ЛАЙОН

Генри Беллами ушел с работы пораньше, чтобы отметить это радостное событие. Когда Энн заканчивала разбирать почту, у ее стола остановился Джордж Беллоуз.

— А не сходить ли и нам сейчас куда-нибудь посидеть по этому поводу? — поинтересовался он как бы между прочим.

Энн не сумела скрыть свое удивление, ведь все ее общение с Джорджем заканчивалось утренним обыденным «здравствуйте». Правда, он иногда еще раскланивался с ней.

— Я приглашаю вас на ланч, — поспешил объяснить Джордж.

— Я очень сожалею, но я уже договорилась с нашими девушками пообедать вместе в одной закуской неподалеку.

Джордж помог Энн надеть пальто.

— Какая жалость! — посетовал он. — Может быть, это наш последний шанс. — Он печально улыбнулся и удалился к себе в кабинет.

Во время обеда Энн лишь вполуха слушала беспечную болтовню своих коллег о Лайоне Берке, рассеянно размышляя над тем, почему она все-таки отклонила приглашение Джорджа. Почему она это сделала? Из-за опасений по поводу того, к чему это могло бы привести? Неужели ее так испугало какое-то приглашение вместе пообедать? Какая чушь! Может быть, она так поступила из-за уважения к Аллену Куперу? Вряд ли, хотя Аллен действительно единственный мужчина, с которым она здесь, в Нью-Йорке, встречается, и он очень хорошо к ней относится. И это, безусловно, дает ему право рассчитывать на определенную преданность с ее стороны. Энн стала вспоминать тот день, когда Аллен, полный решимости заключить с ними какой-то договор, буквально ворвался к ним в контору. Как Энн выяснила позже, речь шла о страховке. Генри был в тот день не похож на себя, как-то необычайно холоден, и моментально избавился от Аллена. И проделал он все это с такой скоростью, что вызвал у Энн невольное сочувствие к пострадавшему. Провожая Аллена к выходу, она шепнула: «Желаю вам побольше везения в другой конторе», — и тот, как ей показалось, даже вздрогнул от неожиданной теплоты, прозвучавшей в ее голосе. А через два часа у нее на столе зазвонил телефон.

— Говорит Аллен Купер. Вы помните меня? Да, тот самый настырный страховой агент. Вы знаете, мне очень хотелось со-

Содержание

<i>Лайза Бишоп и Уитни Робинсон. Наследие Жаклин Сьюзанн</i>	7
<i>Жаклин Сьюзанн. Моя книга НЕ грязная!</i>	11

ДОЛИНА КУКОЛ

Роман

Энн	19
Дженнифер	241
Нили	257
Дженнифер	269
Энн	293
Дженнифер	306
Энн	333
Нили	344
Энн	380
Дженнифер	409
Энн	418
Дженнифер	424
Нили	442
Энн	483

Сьюзанн Ж.

С 96 Долина кукол : роман / Жаклин Сьюзанн ; пер. с англ. Д. Прияткина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 576 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-14759-1

Что для женщины счастье? Прежде всего — любовь. Но если нет любви, чем можно ее заменить? Деньгами, властью, славой? Три героини романа — три разные судьбы. Эти женщины добились в жизни многого: популярности, богатства, внимания знаменитых и успешных мужчин. Но что-то заставляет их искать забвения. А под рукой всегда есть таблетки — «куколки», — которые уносят далеко-далеко, в мир сладких грез...

Роман «Долина кукол» известной американской писательницы и актрисы Жаклин Сьюзанн, вышедший в свет 1966 году, произвел настоящую сенсацию своими откровениями о жизни шоу-бизнеса и стал не только мировым бестселлером, но и поистине культовой книгой, продавшейся более чем 40 000 000 тиражом.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ЖАКЛИН СЬЮЗАНН
ДОЛИНА КУКОЛ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректор Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.08.2018. Формат издания 60 × 90^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 36. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

И-АВВ-23039-01-Р

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей
и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/